

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Воспоминания о Дмитрие Борисовиче Мертваго

«М. г. Владимир Павлович! Вы просили меня, чтобы я сообщил вам все то, что было лично мне известно при моих сношениях с покойным Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желание. Едва ли кто-нибудь из читателей мог так обрадоваться появлению в печати „Записок Дмитрия Борисовича Мертваго“, как обрадовался я, для которого это было совершенною неожиданностью. Но мне в голову не входило, что он оставил после себя „Записки“...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Воспоминания о Дмитрие
Борисовиче Мертваго

(Письмо к В. П. Безобразову)

М. г. Владимир Павлович! Вы просили меня, чтобы я сообщил вам все то, что было лично мне известно при моих сношениях с покойным Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желание. Едва ли кто-нибудь из читателей мог так обрадоваться появлению в печати «Записок Дмитрия Борисовича Мертваго»[1], как обрадовался я, для которого это было совершенною неожиданностью. Но мне в голову не входило, что он оставил после себя «Записки». Прибавить какую-нибудь черту к этим «Запискам» я считаю за счастье. Многоуважаемая память моего покойного крестного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе. Его «Записки» без сомнения будут драгоценным приобретением для всей читающей, образованной публики. «Биографическое сведение об авторе записок, составленное братом его, С. Б. Мертваго», написано совершенно беспристрастно, несмотря на горячую, всем известную, взаимную дружбу обоих братьев. Оно

имеет один недостаток – краткость.

С тех пор, как я начал себя помнить, я помню, что Дмитрий Борисович, мой крестный отец, бывал у нас в доме очень часто, во все время пребывания моего семейства в Уфе. В 1797 году мы переехали на житье в деревню, а Дмитрий Борисович еще прежде оставил Уфу и поступил в Петербург на новую службу. Несмотря на мой детский возраст, я очень замечал, да и другие говорили, что мой крестный отец не так ласков ко мне и не так занимается мною, как другие друзья или короткие наши знакомые. К этому замечанию обыкновенно прибавляли, что он не любит маленьких детей, особенно таких, которых родители балуют. Я сам не один раз слышал, как Дмитрий Борисович подтрунивал и подшучивал над моею матерью, говоря, что «она не любит, а обожает своего сынка», и у меня поселилось неприятное чувство к моему крестному отцу; но это не мешало мне замечать, что он был всеми любим и уважаем, что все слушали его остроумные и веселые разговоры с необыкновенным вниманием и удовольствием, и что все называли его «душой компании». Я тогда

еще слышал от моих родителей, что Дмитрий Борисович не только сам честный человек, но и других принуждает быть честными.

Разъехавшись в разные стороны, мы не видались несколько лет, и я уже забывал моего крестного отца, как вдруг пришло известие, что Дмитрий Борисович Мертваго вышел в отставку и приехал в «Старую Мертовщину» к своей матери и сестре, которые жили от нас в 30 верстах. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновенным уважением от всех своих соседей и всех знакомых; она считалась женщиною великого и политического ума; дочь ее, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна с моею матерью, да и муж ее, П. И. Чичагов, любил все наше семейство. Через несколько дней мы поехали в Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мне, чтобы я не дичился и не играл бы в молчанку, потому что она желает, чтобы мой крестный отец увидел во мне умненького мальчика, довольно образованного для своих лет, а не деревенского неуча. Такие слова не прибавили мне бодрости, а еще более меня смутили. Представляя меня Дмитрию Борисовичу

вичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тем, что он мой крестный отец. В этих словах было мало правды, мне стало неловко, я покраснел и молчал. Дмитрий Борисович, погладив меня по головке, сказал: «А, какой молодец вырос», и потом уже не обращал на меня ни малейшего внимания. Матери моей это было очень досадно: как это ее сынок, такой книжный чтец и декламатор сумароковских трагедий, а подчас говорун, не умеет разинуть рта перед своим крестным отцом, важным (бывшим) петербургским чиновником и умным человеком, который может подумать, что она не дала сыну никакого образования! Она не вытерпела и через несколько времени, обратясь ко мне, сказала: «Что это ты все молчишь, Сережа? Крестный отец подумает, что ты глуп». Я покраснел еще более, а Дмитрий Борисович, из шуточного и веселого разговора, вдруг перешел в серьезный тон и, быстро взглянув на меня, строго сказал: «Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмешивайся в разговоры старших, покуда тебя не спросят!» Это не прибавило моего расположения к крестному

отцу; но на этот раз я был ему благодарен: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили в Мертовщине еще два дня. Родных и соседей съехалось туда такое множество, что негде было помещаться; петербургский гость очаровывал всех, старых и молодых, особенно дам и девиц, своею ласковою любезностью. Он был очень хорош собою, хотя в это время небольшая лысина уже светилась на его голове; его называли даже красавцем, но при том говорили, что у него женская красота; он немножко пришепетывал, но это не мешало приятности его речей, и некоторые дамы находили, что это даже очень мило. Он был постоянно весел, шутлив, остроумен без колкости. Я слышал, что ему отдавали преимущество перед Петром Ивановичем Чичаговым, который также был в обществе необыкновенно весел и остроумен, но меткие эпиграммы нередко срывались с его языка.

Дмитрий Борисович всегда оказывал своей матери глубокую почтительность и нежность. Сестре своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, он был друг, в настоящем значении этого слова; даже

третьему брату, Ивану Борисовичу, который уже несколько лет имел несчастье потерять рассудок (от безнадежной любви, как мне говорили), показывал он такое нежное внимание, так заботился о нем, что Марья Михайловна, со слезами благодарности к богу, при мне говорила о том моей матери.

Дмитрий Борисович, объезжая всех родных и соседей, разумеется, вместе с матерью, сестрой и зятем, гостил везде по несколько дней – что было тогда в общем обыкновении – а у нас прожил он с своим семейством целую неделю. Тут я рассмотрел поближе своего крестного отца и, несмотря на свою детскость, бессознательно почувствовал глубокое уважение к высоким качествам его ума и сердца. Через несколько времени он уехал в Крым, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видел.

В 1808 году я нашел в Петербурге своего крестного отца уже женатым, постаревшим и пережившим. Беззаботной веселости в нем уже не было. Он служил тогда генерал-провиантмейстером, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его оза-

бочивала. Впоследствии я узнал, что находились другие причины, от которых служба была для него так невыносимо тягостною. Неподкупная его честность была известна всем; но не всем, может быть, было известно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всех его служебных отношениях; мог ли такой человек не иметь врагов по службе?.. Он встретил мое семейство, как старинный друг, а меня, если не так ласково, как желалось моей матери и уже мне, то по крайней мере очень внимательно; много спрашивал меня о Казани, об университете, о службе, в которую я намеревался поступить, — но я никак не мог заметить, доволен ли он мною или нет? Он приказал только, чтобы я ходил к нему каждую неделю.

Первые мои посещения, после отъезда из Петербурга моего семейства, ничего хорошего не предвещали. Крестный мой отец обыкновенно говорил: «А, здравствуй! Как поживаешь? Что пишут отец и мать? Что поделываешь на службе?» В словах этих не слышно было никакого особенного участия, и они держали меня в постоянном и холодном отдале-

нии. Случалось даже, что, выслушав мои короткие ответы, он говорил: «Ну, брат, мне некогда; ступай к Варваре (так звал он свою жену) и оставайся обедать». Весьма естественно, что такие приемы не могли нравиться молодому человеку, и я намеревался уже ограничить мои посещения двумя, тремя праздничными визитами в год, как вдруг случилась следующая перемена: пришел я один раз к Дмитрию Борисовичу довольно рано поутру; он велел меня провести в свой кабинет и сказал, что сейчас придет. Я бывал в этом кабинете при других и мало обращал внимания на окружающие меня предметы; теперь же, от нечего делать, я начал все рассматривать, и мне кинулась в глаза небольшая картинка, висевшая над письменным столом моего крестного отца; я подошел поближе и увидел, что это был вид деревни «Званка» и сельского дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились следующие четыре стиха:

*Средь сих лесов, болот и ржавин,
С бессмертным эхом вечных скал,
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш певец, Держа-*

Картина была нарисована водяными красками и кем-то подарена Дмитрию Борисовичу, кажется, женщиной. Кем написаны стихи – до сих пор не знаю. Я был страстным почитателем Державина; забывшись, с восторгом и довольно громко, повторил я эти четыре стиха наизусть, не заметив, что крестный отец стоял уже за мною. «А, брат, ты видно любишь старика!» – сказал он, и я, покраснев до ушей, с волнением высказал все, что чувствовал и думал о Державине, прибавя, что знаю все его стихи наизусть. Хозяин из любопытства сделал мне экзамен, и я прочел ему две, три пьесы, декламируя напропалую, по-студентски. «Ого, брат, – сказал с усмешкой мой крестный отец, – да ты не вздумай в актеры!» Он посадил меня возле себя, чего прежде не делал, и рассказал про свое знакомство с Державиным, прибавя, что он «не только великий стихотворец, приносящий честь и славу своему отечеству, но и честный сановник, и добрейший человек, и что все, что говорят про него дурного, выдумка подлых клеветников и завистников». С этого счастливого утра

я стал сближаться с моим крестным отцом. Сам ли он того пожелал, или я, найдя в нем сочувственную себе струну, стал искать его расположения – не знаю, только через полгода он уже охотно, хотя без особенной ласковости, иногда долго говорил со мной о своей прежней и настоящей службе, об общественных отношениях, и горько сетовал, что мало честных людей, не на словах, а на деле. Дмитрий Борисович жил на Фонтанке, в каменном доме, или лучше сказать в третьей части дома, принадлежавшего его жене (урожденной Полторацкой) и сестрам ее[2], Сухаревой и Олениной. Принадлежность владения обозначалась разностью красок. Часть Мертваго была палевого цвета. Из залы был балкон на набережную; на нем любил сидеть Дмитрий Борисович, а иногда сживал с ним и я. Один раз он сказал мне, указав пальцем: «Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, так гадко одетый?» Я отвечал, что вижу. – «Это великий человек! Это нищий, которому казна должна миллион, истраченный им для чести и славы отечества. Это адмирал Сенявин[3]!» А как он в это время по-

ровнялся с нами, то Дмитрий Борисович назвал его по имени и сказал ему: «Зайди ко мне». Адмирал зашел. Мы все трое пошли в кабинет. Я, разумеется, пошел по приглашению хозяина. Сенявин пробыл с час; просто и открыто говорил он о своем крайнем положении, об оскорблениях, им получаемых, о своих надеждах, что когда-нибудь заплатят же ему и всем офицерам призовые деньги, издержанные им на флот (этим делом занималась тогда особая комиссия). Адмирал ушел.[4]

Не утверждаю, но мне показалось, что Дмитрий Борисович доставал деньги из ящика и тихонько отдал их своему гостю и давнишнему приятелю. Рассказ адмирала произвел на меня такое глубокое и горькое впечатление, которого никогда нельзя забыть. Крестный отец досказал мне всю историю, русского с ног до головы, славного нашего адмирала; рассказал и положение, до которого он был доведен. «Сенявин, – прибавил он в заключение, – доведен до того, что умер бы с голоду, если б не занимал денег, куда без отдачи, у всякого, кто только даст – не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, где он за-

писывает каждую копейку своего долга, и, конечно, расплатится со всеми, если когда-нибудь получит свою законную собственность».

В 1809 году я уезжал в отпуск в Оренбургскую губернию и воротился в Петербург в первых числах января 1810 года. Крестный отец встретил меня уже не холодно по-прежнему, а напротив, очень ласково, и даже с некоторым чувством. «Ну, брат, – сказал он мне один раз, – кажется, надобно будет службу бросить». – «Отчего же? – спросил я с удивлением. – Вы сами знаете, что приносите много пользы и что государь об вас самого лучшего мнения?» – «Это правда, – отвечал Дмитрий Борисович, – да бывший непосредственный начальник мой, граф Аракчеев, всегда меня гнавший, поставил меня в такое унижительное и вредное для меня и службы положение, что выйти в отставку, даже прогневав государя, сделалось необходимостью. Граф Аракчеев всегда не любил меня; но особенно возненавидел за то, что я запретил Варваре Марковне продолжать знакомство с г-жою Пуколовой[5], его фавориткой. Моя жена могла быть знакома с этой дрянью, как и со многи-

ми другими; но как скоро эта дрянь сделалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть с нею знакома. Г-же Пуколовой уже отказывали три раза, она все продолжала ездить; в четвертый я велел отказать так, чтобы она уже более не приезжала. Как нарочно так случилось, что сидел я на известном тебе балконе, и со мной была Варвара Марковна; вдруг подъезжает открытая коляска; в ней сидела г-жа Пуколова. Я не позволил жене уйти с балкона, позвал человека и громко сказал ему, так что приехавшая гостья все до слова слышала: „Скажи, что барыни нет дома“. Г-жа Пуколова перестала ездить, и тут-то началось злобное преследование меня. Прежний начальник, перестав быть моим непосредственным начальником, сохранил всю свою силу и вмешивался во все дела».

Недели через две я пришел к Дмитрию Борисовичу и хотел пройти к нему в кабинет уже без доклада; но человек сказал мне, чтобы я подождал, потому что в кабинете какой-то генерал, и что туда не приказано никому входить. Я как-то почувствовал, что это не даром,

и стал дожидаться в соседней комнате. Наконец дверь отворилась, и Дмитрий Борисович, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказал: «Итак, доложите его сиятельству, что я не могу входить в объяснение по таким словесным замечаниям. Если ему угодно будет сделать их на бумаге, то я стану оправдываться. Впрочем, зная, что я лично не нравлюсь его сиятельству, я уже давно подал просьбу об отставке, которая лежит у министра. Я не хочу вредить месту, которое занимаю, и губить себя без всякой вины». – Дмитрий Борисович рассказал мне, что это уже не в первый раз, что его бывший начальник имел дерзость делать ему выговоры через своего адъютанта, что, разумеется, он его не стал слушать и что вот наконец он прислал с тем же своего фаворита, генерала К...ча. «Делать нечего, надо решительно выйти в отставку, – сказал он, – тут пользы не сделаешь, а только наживешь больше врагов и долгов, а у меня и так уже довольно и тех и других». Действительно, Дмитрий Борисович вскоре оставил службу.

Прошло несколько лет, в продолжение ко-

торых совершились вековые достопамятные события 1812 года, и я даже не знаю, где жил в это время мой крестный отец. Я увиделся с ним уже в 1816 году, в Москве, в собственном его доме, у Красных ворот, в приходе Трех Святителей.[6]

Он не был еще тогда сенатором; но говорил мне, что желал бы занять эту должность. Всем известно, что впоследствии он занимал ее. – Я уехал в Оренбургскую губернию на десять лет и не видался уже более с моим крестным отцом, скончавшимся в 1824 году.

Вот все, что сохранила моя память об одном из достойнейших людей прошедшего времени.

Хотя я не участвую ни в каких журналах, кроме «Русской беседы», но охотно предоставляю вам полное право напечатать мое письмо в «Русском вестнике». С истинным почтением честь имею быть и пр.

1857 г., января 20-го
Москва.

Примечания

Едва ли кто-нибудь из читателей мог так обрадоваться появлению в печати «Записок Дмитрия Борисовича Мертваго». – Первая глава этих «Записок» под названием «Пугачевщина» появилась в январской книжке «Русского вестника» за 1857 г. Полностью они были опубликованы в «Русском архиве» (1867, NN 8 и 9) и одновременно – отдельным оттиском. Воспоминания С. Т. Аксакова о Д. Б. Мертваго были здесь перепечатаны «вместо предисловия».

[^^^]

Сестры Полторацкие – дочери директора придворной певческой капеллы Марка Федоровича Полторацкого (1729–1795).

[^^^]

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831) – известный русский флотоводец, адмирал.

[^^^]

4

Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

[^^^]

Пуколова Варвара Петровна (род. в 1784) – фаворитка Аракчеева, ставшая его любовницей с ведома своего мужа, обер-прокурора синода, и нагло вмешивавшаяся в государственные дела.

[^^^]

Этот дом стоит самым оригинальным образом: он не на улице, не в переулке и не на площади – к нему ведет особый проезд, точно как в чувашских деревнях. В этом доме, принадлежавшем, после кончины Дмитрия Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагиной (*Елагина* Авдотья Петровна (1789–1877) – хозяйка литературного салона в Москве, мать славянофилов Киреевских – Ивана Васильевича (1806–1856), видного публициста, философа, и Петра Васильевича (1808–1856), известного собирателя произведений народно-поэтического творчества.), а потом покойному сыну ее, Ивану Васильевичу Киреевскому, доме, воспетом звучными стихами Языкова, – много лет собирался известный круг московских литераторов и ученых. Сколько глубоких мыслей, светлых взглядов, честных порывов любви к просвещению и литературе было высказано и принято в этом доме... и как немного осталось в живых из прежних его посетителей. В числе самых горьких и свежих утрат находятся достойные и незабвен-

ные братья И. В. и П. В. Киреевские.

[^^^]